

Не так давно Гатчинский народный театр стал лауреатом Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества. Его спектакль «Сашка» признан одной из лучших работ любительских коллективов на тему 40-летия Великой Победы. Сегодня мы рассказываем о молодежном коллективе Гатчины.

Еще не началось действие спектакля, а мы, зрители, уже неотрывно следим за происходящим на сцене, уже взяты в плен царящей на ней атмосферой. Атмосфера... Это слово в последние годы не так часто встречается в театральных рецензиях, потому что и в спектаклях профессиональных театров ее не всегда ощутишь, для ее создания одного профессионализма недостаточно. А тут любители.

Обстановка, созданная художником Н. Шаповаловым, довольно проста. На одном конце сцены у стола собрались женщины. Они заняты обычными делами — кто-то шьет, кто-то вяжет. Звучит негромкая песня: то нарастает, то затихает. Ее подхватывают, продолжают парни, сгрудившиеся на скамьях, изображающих то марш, то кровати в госпитале. А посередине, над игровой площадкой — колоочная проволока. В какой-то миг она может зажечься. Но даже когда не горит этот знак тревоги, напряжение все равно не слабеет. Им будто заряжен воздух.

Ни один из исполнителей не знает войну в лицо, а режиссер спектакля Сергей Алексеевич Рытов пережил ее в самом раннем возрасте. А все равно подлинность безусловная. Все исполнители почти постоянно на сцене, все вместе переживают события повести В. Кондратьева. Но помотришь на каждого — как сидит, как молчит и слушает, как смотрит... Нет, это не единство одинаково выученных людей — это сложное единение разных индивидуальностей, по своему постигающих то, что открылось в прикосновении к драматическим моментам истории страны.

Борис Соколов в спектакле играет Жору. У Кондратьева Жора абсолютно, безоглядно счастлив. Его не убили, он ранен, идет в тыловую госпиталь. Он теперь точно минимум месяца два будет жить. Поэтому так доверчив, так легко поддается на розыгрыш, так открыт. Борису нелегко далась эта роль: жизнь, работа — после армии пять лет службы в милиции — приучили его к собранности, умению прятать, скрывать свои чувства, а тут совсем иные эмоции, краски. У Нины Евдокимовой роль крошечная. Когда Сашка по-

падает в госпиталь и встречается с той, о которой думал на передовой, к которой стремился, он очень быстро понимает, что не все так просто и стерильно в жизни медсестер. И не только кровь и страдания, облегчить которые не всегда в их силах, мучают медсестер. Вот к ней, Зине, ходит младший лейтенант, и сегодня пригласил в штаб на вечер, отметить праздник Первой мая. Вечер, танцы... И это тогда, когда там, «на передке», такой ад, когда каждый день погибает твои сверстники... Вообразить невозможно. «Не ходи, Зина!» — просит Сашка. «Не пойду», — обещает она.

Ночь. Сашка ищет Зину. Но на ее месте — другая сестра (ее играет Нина Евдокимова). Сначала она недовольно отвечает на вопросы о Зине. Но потом понимает: «Это тебя она ждала?» И такая умудренность, такое материнское сострадание звучит в голосе. И находят единственные простые и нужные слова: не на гулянку звал Зину младший лейтенант, а проститься, ведь он тоже уходит «на передок». Да и Зина пусть хоть разок потанцует, съест что-нибудь вкусное. Нет, она не говорит о том, как искалечена Зинина, да и ее жизнь, войной, не говорит о том, что, может быть, идет впереди, но во взгляде ее, в интонации — выстраданность. И Сашка слышит ее. Именно поэтому находит в себе силы на то, чтобы понять и простить.

Нина закончила Институт культуры имени Крупской, сама руководит драматическим коллективом в ЛЭТИ и при всем этом стала еще и актрисой в Гатчинском народном театре... К тому же привела сюда нескольких актеров из своего коллектива, выпускников ЛЭТИ. И ей и им необходима эта учеба, эта работа с режиссером Сергеем Алексеевичем Рытовым.

Андрей Лаврентьев, сегодняшний исполнитель роли Сашки, из этих выпускников ЛЭТИ. Его Сашка интеллигентен и интеллектуален. Наверное, Вячеслав Кондратьев на-

писал несколько другого героя — попроще, наивнее, что ли. Но есть то, что, безусловно, роднит их — это нравственная неуспокоенность, совестливость.

таться друг с другом, ничья неаккуратность не будет сбивать настроения.

Итак, собрался. Минут пятнадцать надо пообщаться друг с другом. Поговорить, пошу-

СЦЕНА — ВТОРОЕ ПРИЗВАНИЕ

Когда пахло весной и порохом

В инсценировке гатчинского театра история со взятием в плен немца отнесена в прошлое. Сашка уже в госпитале. Но тот бой с немцем, все его перипетии, то и дело врываются в его сознание, заставляя по-новому осмысливать происшедшее, соотносить с ним и другие свои поступки.

Еще один актер — Владимир Стафеев. В театре его любят — интересный человек, хороший товарищ, семьянин. У него трое детей, бывает, приводит их на репетицию, и, если она затягивается, ребенок спит рядом, завернувшись в шинель. Владимир Стафеев неоднозначен в роли немца. Когда он говорит: «Я не фашист», — ему веришь, как поверил и Сашка. Но необходимо доказать именно этому немцу, что и в самых противоестественных условиях можно остаться человеком, что и сейчас, в этом аду, на этом «передке», имеют значение простые человеческие ценности.

Режиссер Рытов несколько «опрямил» путь своего героя. Сашка в спектакле не проживает в полной мере такие драматические потясения, какие выпали на долю героя повести Кондратьева. Но то, что Андрей Лаврентьев в роли Сашки действительно каждый раз как бы заново на глазах у зрителей принимает решения, то, что мы видим в подлинности переживаний его героя, это безусловно.

СОБРАЛИСЬ на репетицию актеры. Уже привыкли собираться без опозданий. Поначалу к этому приучить было нелегко, но режиссер попросил каждого составить график своего свободного времени, стал назначать индивидуальные репетиции каждому тогда, когда тому удобно. Сам в театре каждый день, никогда не опаздывает, постепенно и другие поняли, что настоящая работа может идти только при том условии, если все будет счи-

таться. И режиссер вместе со всеми. Легкий разговор, перелетающий с предмета на предмет. Но пора. В репетиционную комнату. Там уже молчание, там каждый наедине с самим собой. Звучит тихая музыка. Лежат, расслабившись, актеры.

Начинаются ассоциативные пластические этюды. Сергей Алексеевич предлагает тему: знакомые детские стихи: «А у нас в квартире газ... А у нас сегодня кошка родила вчера котят...» Смешно!.. Но не из таких ли этюдов родился прелестный остроумный спектакль театра «Фантазия», где действуют забавные очеловеченные звери, где смешной зеленый лягушонок (Наталья Ленаркина) рисует наивную, прихорашивающуюся перед сеансом рыжую корову (Людмила Попова), где старые добродушные тигры, стараясь порадовать укротительницу, приносят ей в подарок пойманную мышку и удивленно смотрят на упавшую в обморок женщину, где... Но режиссер дает новую тему этюда, и все меняется: «Донна» — говорит он. Несет на протянутых руках что-то Борис Соколов, вот вроде потерял, поднял, снова несет. Рызками мечется Андрей Лаврентьев. Отшатнулся, вскрикнул. Видимо, вочию увидел наступающую на него эту липкую «вещь» — донос.

— Сначала мне многое здесь казалось странным, — говорит молодой инженер Валерий Петров. — Но занятия построены интересно, захватывают. Из этих фрагментов, этюдов, диалогов даже для нас самих неожиданно вырастают спектакли. Своего «Сашку» мы оценили не на премьеры, позже, на фестивале русской и советской драматургии в Чехословакии. Играли в Праге и в Светавах. Светавы — партизанский край, там многие помнят войну не как историю, а как свою жизнь. И они удивительно нас принимали. После спектакля многие подходили, говорили со слезами, что вспомнили свою молодость, будто пережили вновь с нашими героями время, когда пахло весной и порохом...
Е. ФРОЛОВА.

тестировал